

УДК 94(363.6)(093)(045)

*Д.Е. Алимов***«ГОТСКО-СЛАВЯНСКОЕ» КОРОЛЕВСТВО: РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫЙ ИЛЛИРИК В ДИСКУРСИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЭТНОПОЭЗИСА¹**

В статье рассматриваются генезис и эволюция бытовавших в историографии Средневековья и раннего Нового времени представлений о «готско-славянском» королевстве – обширной и могущественной державе, будто бы существовавшей в раннее Средневековье на территории Иллирика. Рассматривая образ «готско-славянского» королевства как продукт этнического дискурса, то есть способа структурирования социальной, политической и культурной реальности в этнических категориях, автор фокусирует внимание на том, как в разные эпохи и в различных социально-политических контекстах менялись представления об этнической принадлежности «готско-славянского» королевства и его связи с теми или иными «воображаемыми сообществами». Данные изменения рассматриваются автором как проявления «этнопоэзиса», когда в соответствии с меняющимся этническим дискурсом авторы эпохи Средневековья и раннего Нового времени по-разному осмыслили социальную и культурную реальность далекого прошлого, определяя ее в этнических категориях своего времени.

Ключевые слова: Летопись попа Дуклянина, *Libellus Gothorum*, этнический дискурс, этнопоэзис.

Предложив именовать современные нации «воображаемыми сообществами», знаменитый исследователь национализма Б. Андерсон, вместе с тем, предостерег от того, чтобы делить (этнические) сообщества на подлинные и ложные. Ввиду того, что каждое сообщество, более крупное, чем то, в котором люди знают друг друга в лицо, по определению является воображаемым, различать такие сообщества, как подчеркивает исследователь, надлежит не по их истинности или ложности, а по стилю, в котором они воображаются [3. С. 27]. Если попытаться конкретизировать андерсоновское понятие «стиля воображения» применительно к этническим общностям, то, наверное, уместно говорить об этническом дискурсе – способе видения, осмысления и презентации социальной, политической и культурной реальности в этнических категориях. В рамках этнического дискурса мир мыслится состоящим из «народов», то есть сообществ людей, связанных между собой общим происхождением, а также историей, языком, культурой и т.п., причем набор критериев принадлежности к «народу» может существенно варьироваться в зависимости от ситуации.

В том, что этнический дискурс исторически весьма изменчив, легко убедиться, обратившись к многообразию форм того, что именовалось прежде или именуется ныне словом «народ» или «этнос». Совершенно очевидно, что в разные эпохи «этнизировались», то есть воспринимались в качестве этнических, сообщества, существенно отличавшиеся друг от друга по тому, какие именно признаки служили основой для их этнизации: язык, культура, политическая принадлежность, социальный статус и т.п. Данная картина представляется совершенно естественной, если помнить слова норвежского этнолога Ф. Барта о том, что «этнические категории обеспечивают организационную оболочку, содержимое которой в разных социокультурных системах может наполнять различные объемы и формы» [5. С. 16]. Между тем, серьезные отличия в проявлениях этнического дискурса между современностью и домодерной эпохой нередко побуждают исследователей, имеющих дело с домодерными общностями, избегать при обращении к ним понятия «этнический», либо предпочитая использовать иные термины («гентильный», «племенной», «протонациональный»), либо делая соответствующие оговорки. Хотя такая осторожность вряд ли может повредить исследованию, думается, что избегать понятия «этнический» всё же необязательно, ведь и «племена» раннего Средневековья, и «народности» более позднего времени, и современные нации объединяет общая черта – вера в общее происхождение, присутствие которой, собственно говоря, и есть основной признак, позволяющий говорить об этническом дискурсе.

Эта вера является естественным ответом группы (а точнее тех, кто ее воображает) на потребность в легитимации своего существования в настоящем посредством апелляции к прошлому; причем, как правило; к прошлому весьма далекому. При этом, так как представления о далеком прошлом были неотделимы от господствующего в ту или иную эпоху этнического дискурса, то воображаемые

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 16-18-10080 ««Мобилизованное средневековье»»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в Новое и Новейшее время».

сообщества прошлого являлись дискурсивными проекциями воображаемых сообществ настоящего со всеми вытекающими отсюда последствиями. В результате в исторических нарративах, где находили наиболее яркое отражение обусловленные актуальным этническим дискурсом представления о прошлом, можно обнаружить то, что современный норвежский исследователь С. Сённесюн удачно назвал «этнопоэзисом», справедливо заменив данным термином совершенно неадекватное рассматриваемому явлению объективистское понятие этногенеза. В процессе «этнопоэзиса» авторы исторических нарративов либо создавали новые этнические образы, либо адаптировали старые образы к новым условиям, либо совмещали одно с другим, обеспечивая, таким образом, постоянную динамику в структурировании социально-политической и культурной реальности далекого прошлого в этнических категориях [39].

Интересным примером подобного «этнопоэзиса», происходившего на протяжении Средневековья и раннего Нового времени, является появление и дальнейшее развитие в исторической литературе представлений о существовании в раннее Средневековье в западной части Балканского полуострова, на территории, традиционно именуемой в историографии Иллириком, обширного королевства, будто бы основанного в конце V в. готским королем Остроилом, а спустя несколько веков обращенного в христианство просветителем славян Кириллом. Термин «готско-славянское королевство», используемый в историографии для обозначения державы Остроила и его потомков, – сугубо условное понятие, которое в самих источниках, где ее история неизменно представляется как ранний этап исторического развития того ли иного из вполне реальных политических организмов, существовавших в Средние века на западе Балкан (Травуния, Дукля, Хорватия), не встречается. Однако, за неимением другого приемлемого термина, пожалуй, именно так было бы удобнее всего называть населенное славянами королевство, которое (по версии Летописи попа Дуклянина) первого по времени памятника, где описывается его история, возглавлялось династией готских королей.

Так наз. Летопись попа Дуклянина представляет собой латиноязычный исторический нарратив жанра «деяния королей» (*gesta regum*), созданный в XII в. в г. Бар в Дукле (современная Черногория). Как несколько туманно объясняет читателю во введении сам автор летописи, ее текст включает в себя (или даже целиком представляет собой) сделанный им перевод со славянского языка некой (возможно, им же ранее и написанной) «книги о готах» (*Libellus Gothorum*), именуемой по-латыни «Королевством славян» (*Regnum Sclavorum*)². На основании датировки событий, описанием которых завершается повествование, считается, что Летопись попа Дуклянина была написана в сер. или вт. пол. XII в.³, причем есть основания полагать, что автором летописи был Григорий, архиепископ Бара в 1172–1196 гг. [38]. История «готско-славянского» королевства начинается в летописи с рассказа о трех братьях – сыновьях готского короля Сенулада, имена которых были Брус, Тотила и Остроил. Их появление на исторической сцене датируется автором посредством упоминания известных современников: императора Анастасия (491–518 гг.), папы Геласия (492–496 гг.) (ошибочно именуемого здесь Геласием II), епископов Германа (епископ Капуи в Кампании в 516–540 гг.) и Сабина (епископ Каносы в Апулии в 514–566 гг.), а также Бенедикта Нурсийского (около 480–543 гг.), основателя Монтекассинского монастыря (529 г.) [19. С. 4]. В то время, как старший сын, Брус, по сообщению летописи, унаследовал трон отца в некой северной стране готов, местонахождение которой автором не уточняется, Тотила и Остроил отправились стяжать славу, завоевывая новые земли. Разгромив в жестокой битве войска выступивших против завоевателей «короля далматинцев» и «короля Истрии» [19. С. 6-10], войска готов разделились: Тотила через Истрию ушел в Италию, где продолжил свои завоевания, а Остроил, вступив в «Иллирийскую провинцию» (*Illyricam provinciam*), овладел «всей Далмацией» и «приморскими областями» [19. С. 12-14].

Обосновавшись в «Превалитанской области» (*in regione Praevalitana*), то есть, очевидно, на территории, соответствовавшей позднеримской провинции Превалис, Остроил стал основателем династии королей, деяния которых в подробностях описываются в следующих главах летописи. Среди прочего в них говорится о том, что в правление Сенудслава, сына Остроила, королевство, охватывавшее как при-

² «...ut Libellum Gothorum quod latine Sclavorum dicitur regnum, quo omnia gesta ac bella eorum scripta sunt, ex sclavonica littera verterem in latinam...» [7. С. 292]. Если принять конъектуру К. Шегвича, заменив «regnum» на «gegun», то перевод может быть и таким: «книгу готских, что по-латыни означает “славянских”, королей». Такое чтение кажется логичным в свете слов летописца о том, что в этой книге описываются «их деяния и войны» [41].

³ Недавняя попытка оспорить данную датировку, предпринятая сербским исследователем Т. Живковичем, отнесшим создание летописи к концу XIII в. [6], не встретила поддержки в историографии [36; 1. С. 26-28].

морские, так и загорские области, простирались от «Валдевина» до «Полонии», и что Силимир, сын Сенудслава, «наполнил страну множеством славян» [19. С. 18]. Рассказав о том, как в правление Бладина, сына Силимира, территорию по соседству с «готско-славянским» королевством занял еще один народ — переселенцы с реки Волги, называемые «вулгарами» (*Vulgari*) [19. С. 22], летописец счел нужным отметить: «И оба народа весьма почитали друг друга – готы, то есть славяне, и вулгары, и главным образом из-за того, что те и другие были язычники и одного языка» [1. С. 50].

В правление Светопелека, десятого по счету короля готской династии, «готско-славянское» королевство было обращено в христианство. Согласно летописному рассказу, это произошло в результате проповеди Константина (св. Кирилла), который по пути в Рим на некоторое время остановился в державе Светопелека [19. С. 38]. На созванном королем после крещения соборе «на поле Далмы» (*in planitie Dalmae*), проходившем в присутствии послов от римского папы и византийского императора, «готско-славянское» королевство получило четкое административное устройство, после чего состоялась коронация Светопелека короной из рук папского посланника [19. С. 46-50]. По словам летописца, королевство было в первую очередь разделено на Приморье (*Maritima*) и Сербию (*Surbia*), или Загорье (*Transmontana*): Приморьем стала именоваться часть королевства, где реки, берущие начало в горах, впадают в море, в то время как Сербией – часть, где реки из горных областей текут на север, впадая в Дунай. В свою очередь, каждая из этих двух областей была разделена на две провинции: Приморье — на Белую Хорватию (*Croatia Alba*), именуемую также Нижней Далмацией, и Червонную Хорватию (*Croatia Rubea*), называемую также Верхней Далмацией; а Загорье – на Боснию (*Bosna*) и Рашку (*Rassa*). Границы каждой из четырех провинций четко обозначены летописцем: Белой Хорватией именовалась территория, протянувшаяся от Далмы, где проходил собор, до Валдевина, а Червонной Хорватией – пространство от Далмы до города Бамбалоны, «который теперь именуется Диррахием»; Боснией именовалось пространство от реки Дрины на запад вплоть до Сосновой горы (*ad montem Pini*), а Рашкой – территория от Дрины на восток до Липляна и Лаба. Во главе управления каждой из четырех провинций король поставил своих наместников – банов, из числа своих кровных братьев [19. С. 54–58].

В последующих главах летописи учрежденные Светопелеком административные единицы (упоминаемые, кстати, весьма часто) иногда приобретают характер самостоятельных политических единиц. Так, по сообщению 14-й главы, сыновья короля Себеслава поделили между собой территорию королевства: Разбивой стал править Приморьем, а Владимир – Сербией [19. С. 70]. В 15-й главе сообщается о том, как в правление короля Хранимира восстала Белая Хорватия, причем говорится, что, воюя с баном, король собрал «народ из Рашки и Боснии» [19. С. 72]. По сообщению 19-й главы, в правление короля Прибислава восстали «вельможи Боснии» (*magnates Bosnae*) [19. С. 76]. В 20-й главе сообщается о том, что в правление наследника Прибислава Крепимира, подавившего восстание в Боснии, «аламаны» начали вторгаться в Хорватию [19. С. 76-78]. По информации 22-й главы, в правление короля Радослава снова восстал бан Белой Хорватии [19. С. 80]. Наконец, после того как последний правитель единой державы Часлав погиб в боях с венграми и пропал весь его род, «готско-славянское» королевство, оставшись без короля, фактически распалось: по сообщению 24-й главы, баны стали единолично господствовать в своих землях [19. С. 106].

Впоследствии королевская власть была восстановлена с приходом из Рима Павлимира (потомка Радослава, в свое время вынужденного бежать в Италию), о чем подробно сообщается в 27-й главе, однако, возрожденная им держава имела уже другое ядро – Требинье, да и просуществовала очень недолго, так как после смерти Павлимира от нее снова стали отпадать провинции. В 28-й и 29-й главах рассказывается о том, как сын Павлимира Тишемир, ставший зятем бана Белой Хорватии, попытался восстановить королевство: вместе со своим сыном Прелимиром он занял Превалитанскую область, где был коронован; в это же время бан Белой Хорватии вместе с другим сыном Тишемира Крешимиром завладел Боснией. Прежнего единства, однако, уже не было, так как территория прежнего королевства оказалась разделенной на два политических организма, в одном из которых, состоявшем из Превалитанской области и Рашки, правил король Прелимир, а в другом, состоявшем из Хорватии и Боснии – его брат Крешимир. В последующих главах летописи именно территория, которой правил Прелимир, окажется в фокусе внимания, тогда как о Хорватии сообщается лишь то, что в ней, со смертью Крешимира, стал править его сын Стефан, а затем некие другие правители, имена которых летописец не приводит. Королевство Прелимира, как явствует из 30-й главы, где сообщается о том, как Прелимир разделил свое королевство между четырьмя сыновьями, состояло из четырех

областей – Зеты, Требинья, Хумской земли и Подгорья, вследствие чего называлось Тетрархией (Рашка, где правил тесть короля в статусе великого жупана, находилась в это время на особом положении) [19. С. 110–118].

Как видно, преемниками готских королей из династии Сенулада в Летописи попа Дуклянина предстают травунские, а затем дуклянские правители, деяния которых затем прослеживаются летописцем вплоть до сер. XII в. Между тем, существует и иная версия истории «готско-славянского» королевства: та, что изложена в так называемой Хорватской хронике, представляющей собой хорватскую (написанную чакавским наречием) редакцию летописи и обычно датируемой в историографии XIV в. [13. С. 162–163; 25. S. 19]. Изложение событий в Хорватской хронике соответствует (с некоторыми более или менее существенными расхождениями в отдельных деталях) первым 23 главам из 47 глав дуклянского автора с присоединением к ним еще нескольких глав (24–28) с содержанием, не имеющим параллелей в латинской редакции. Привязка «готско-славянского» королевства к Травунии и Дукле в Хорватской хронике отсутствует (вместо Превалитанской области как места, где обосновался Остроил, здесь фигурирует «Приливит», локализуемый автором хроники в Боснии [31. S. 55]), а король, в правление которого произошло крещение страны, по необъяснимой причине именуется в ней не Светопелеком, а Будимиром [31. S. 73–74]. Преемником готских королей предстает в Хорватской хронике хорватский король Дмитрий Звонимир (1075–1089 гг.), о судьбе которого подробно рассказывается в ее последних главах [31. S. 109–111]. Вследствие всех этих странных обстоятельств в историографии даже появилась версия о том, что Хорватская хроника восходит к той самой славянской «книге о готах», будо бы лежащей в основе созданной в Дукле латинской редакции летописи [30. S. 7–39]. Однако, согласиться с этой версией едва ли возможно: характер содержательных отличий Хорватской хроники от латинской редакции позволяет скорее говорить о «кroatизации» в Хорватской хронике дуклянской версии истории «готско-славянского» королевства, нежели об обратном явлении [14. S. 524–531].

В историографии неоднократно предпринимались попытки интерпретировать изображенное в Летописи попа Дуклянина и Хорватской хронике «готско-славянское» королевство как деформированное отражение неких реалий раннего Средневековья. Показательно, однако, что эти реалии представлялись разным исследователям совершенно по-разному: в королевстве Остроила и его потомков усматривали якобы существовавшее в VI–VIII вв. в гористом хинтерланде Далмации «варварское» готское королевство [38; 32], древнюю хорватскую державу, будто бы охватывавшую в сер. VIII в. пространство от Винодола в Хорватии до Аполлонии (Поян) и Валоны (Влёра) на юге Албании (с которыми соответственно были отождествлены упомянутые в летописи Валдевин, Полония и Бамбалона) [26. S. 145–193] и даже патримониальное королевство рода моравского князя Святополка, который сам первоначально якобы правил в Боснии [18]. Последнее предположение представляется совершенно фантастическим, так как связано с неоправданным пересмотром общепринятых представлений об истории Великоморавской державы. Впрочем, и остальные концепции, общая черта которых — объявление имен св. Кирилла и Святополка результатом позднейшей интерполяции, являют собой не более, чем попытки рационализировать летописный образ «готско-славянского» королевства, помещая его в тот период истории Иллирика («темные века»), информация о котором в современных источниках крайне скудна. Соответственно эти концепции не только не имеют сколько-нибудь солидной опоры в источниках, где не содержатся никакие намеки на существование крупного варварского королевства в хинтерланде Далмации, но и, как кажется, совсем не учитывают ретроспективно устанавливаемого характера местных политических организмов VII–VIII вв., не обладавших возможностями для политической интеграции столь обширных пространств.

Более резонными, по крайней мере, на первый взгляд, предстают на этом фоне попытки разглядеть в образе «готско-славянского» королевства исторические реминисценции эпохи классического Средневековья, когда в западной части Балкан стали складываться крупные державы, имевшие контакты с важнейшими политическими и церковными центрами Средиземноморья: Римом и Константинополем. В первую очередь, это относится к описываемому в 9-й главе летописи собору на поле Далмы, где якобы произошла коронация Светопелека в присутствии послов папы и византийского императора. В историографии этот сюжет пытались соотнести с коронацией или контактами с Римом хорватских правителей Томислава в 925 г. [24], Петра Крешимира IV в 1057 г. [22] или дуклянского правителя Михаила в 1077 г. [40]. Ключевой проблемой подобных интерпретаций, однако, является вопрос, почему то или иное из этих событий, если оно, действительно, отразилось в тексте летописи,

запечатлено в ней в столь причудливом виде. Будучи не в состоянии дать на него удовлетворительный ответ, некоторые исследователи стали склоняться к выводу, что в случае с образом «готско-славянского» королевства в Летописи попа Дуклянина речь шла не столько об отражении истории того или иного из реально существовавших политических организмов, сколько об «изобретенной традиции», в рамках которой летописец снабдил современное ему Дуклянское королевство богатым прошлым, включив в него, среди прочего, таких далеких от Дукли исторических персонажей, как Константин Философ и моравский князь Святополк (о вероятных путях проникновения кирилло-мефодиевской традиции в Дуклю см.: [20. S. 13-45; 21. S. 125-135]).

Хотя взгляд на «готско-славянское» королевство как на идеологически мотивированную конструкцию уже давно присутствует в историографии [9; 4], вопрос о том, с какими именно историческими обстоятельствами связано появление подобной «изобретенной традиции», остается предметом дискуссий. Так, довольно популярна в посвященной памятнику исторической литературе идея, согласно которой с помощью сюжета о том, как король Светопелек после крещения был коронован и обустроил свое королевство, разделив его на провинции и учредив архиепископии с центрами в Салоне и Диоклее, летописец стремился обосновать архиепископский статус Дуклянской (Барской) церкви, оспаривавшийся Дубровником [29. S. 11-36; 4. С. 31-33; 40; 25. S. 45-52]. Предпринимались также попытки связать образ «готско-славянского» королевства с политическими претензиями дуклянских правителей из династии Воиславичей [21. S. 133] или византийского императора Мануила I Комнина (1143–1180 гг.), сумевшего в 1160-е гг. распространить свою верховную власть сразу на несколько политических организмов в западной части Балкан [27. S. 6]. Любая из этих версий может служить гипотетическим объяснением того или иного из летописных сюжетов, но ни одна из них, однако, не в состоянии объяснить историческую концепцию дуклянского автора в ее целостном виде.

Лишь в самое последнее время к числу подходов к интерпретации летописных известий о «готско-славянском» королевстве присоединился подход, фокусирующий внимание на этническом дискурсе дуклянского автора. Идею, согласно которой образ «готско-славянского» королевства – это порождение именно этнического дискурса, высказал хорватский историк М. Анчич [14. S. 526-527; 15. S. 166-169]. По мнению исследователя, отраженная в Летописи попа Дуклянина идея существования единого королевства славян, охватывавшего весь далматинский хинтерланд, естественным образом выросла из осознания синонимичности понятий языка и народа [14. S. 526]. Данная мысль представляется нам вполне справедливой, так как, только принимая во внимание этнический дискурс летописца, можно до некоторой степени объяснить, почему описываемое в летописи «готско-славянское» королевство имело столь странные очертания и внутреннюю структуру. Столь обширное и территориально аморфное королевство, важнейшие политические центры которого – упоминаемый как местопребывание короля Остроила «Превалянтанский город» (*urbs Praevalitana*) [19. С. 16], вероятно, соответствующий Скодре (Шкодеру) [9. С. 401], и Диоклея (в которой, согласно 9-й главе, был похоронен Светопелек [19. С. 62]), – концентрировались в его юго-восточной части, мало напоминает политический проект, созданный в интересах какого-либо государя. Скорее оно может быть интерпретировано как образ (южно)славянского мира, увиденного глазами жителей Бара – приморского города, по крайней мере, часть жителей которого составляли романцы. Иными словами, «готско-славянское» королевство – это «*Barbaricum*», варварский мир хинтерланда, осмысленный летописцем как этническая и политическая целостность в соответствии с этнической оппозицией «романцы – славяне».

Мысль о том, что в основе исторической концепции дуклянского летописца лежит не политический проект, а образ ментальной географии, порожденный этническим дискурсом, может быть подкреплена анализом использованных летописцем этнических категорий. А именно; при чтении летописи складывается впечатление, что ее автор словно намеренно избегает использования реальных названий славянских народов, зафиксированных в раннесредневековых источниках. Для создаваемой летописцем картины «готско-славянского» королевства совершенно нерелевантны такие этнонимы, как «сербы», «хорваты», «дукляне», «травуняне» и т.п. Даже в тех случаях, где, казалось бы, удобно воспользоваться одним из названных этнических обозначений, летописец этого не делает, пользуясь такими оборотами, как «жители области Требинья» (*habitatores regionis Tribuniae*) [19. С. 110] или «народ Требинья» (*populus Tribuniae*) [19. С. 114]. Как видно, летописец последовательно придерживается собственной модели этнической классификации, в соответствии с которой он не этнизирует население отдельных частей «готско-славянского» королевства, а наделяет статусом единого народа «готов-славян» всё его славяноязычное население.

Если принять во внимание это обстоятельство, то нарисованная летописцем причудливая картина прошлого становится более понятной. Так, этнизация летописцем понятия «готы», под которым следует понимать характерное для образованных романских жителей побережья Адриатики обобщенное обозначение варваров хинтерланда [2. С. 66-82], обусловила появление в летописи известных образованному клирику сюжетов из готской истории. Есть основания полагать, что история о трех братьях — сыновьях готского короля Сенулада, воспроизводит сюжет о сыновьях Вандалярия из рода Амалов, описанный в знаменитом труде готского историка Йордана [38. S. 33]. И хотя до настоящего времени остается неясным, откуда именно почерпнул дуклянский автор свои сведения о готах, некоторые детали повествования, такие, как присутствие среди летописных персонажей небезызвестного Тотилы, заставляют думать, что летописец использовал историческую традицию, бытовавшую в южной Италии и, возможно, ставшую известной в Баре благодаря контактам с Монтекасским аббатством [10; 11]. Похожим образом превращение в летописи понятия «славяне», по сути являвшегося для романских жителей собирательным обозначением славяноязычного населения хинтерланда, в обозначение особой этнополитической единицы — «славянского народа», объясняет не только странные очертания готской державы (это чуть ли не весь известный летописцу (южно)славянский мир), но и появление в ее истории таких персонажей, как Светопелек (Святополк) и св. Кирилл. Ведь в рамках кирилло-мефодиевской традиции, очевидно, в той или иной степени известной на берегах Адриатики, моравский князь Святополк предстал прежде всего как правитель славян, а св. Константин-Кирилл — как просветитель славян. Получается, что именно дискурсивное структурирование доступной автору информации о готах и славянах в рамках актуального этнического дискурса и привело к появлению в летописи образа могущественного королевства, объединившего в себе историю готской державы Амалов с историей Великой Моравии, но при этом размещавшегося на Балканах, с ядром в Дукле.

Последующую «кroatизацию» образа готско-славянского королевства, наблюдаемую в Хорватской хронике, можно рассматривать как следствие его адаптации к иному воображаемому сообществу, в качестве которого теперь выступал не славянский хинтерланд в целом, а конкретная политическая единица — Хорватское королевство. Примечательно, что к XIV в. относится создание еще одного хорватского памятника, апеллировавшего к «готско-славянскому» королевству — приписки к тексту так называемого «Супетарского картулярия», в которой описывается политическое устройство некоего идеального «королевства хорватов» (*regnum Croatorum*). В тексте этого источника, появление которого, очевидно, следует связывать с деятельностью Сплитской церкви и тяготевшей к ней части хорватской знати [42; 15. S. 164-169], перечисляются имена банов (королевских наместников), будто бы существовавших в королевстве хорватов «со времен короля Светопелека вплоть до времени Звонимира» [42. S. 104]. Учитывая, что в тексте Хорватской хроники король, именуемый в Летописи по па Дуклянина Светопелеком, выступает под именем Будимира, можно говорить о бытовании в Хорватии двух, отличных друг от друга, версий истории «готско-славянского» королевства. При этом важно подчеркнуть, что восприятие в Хорватии идеи о готских истоках Хорватского королевства не означало характерного для романской среды приписывания готского происхождения самим хорватам. Так, при описании победоносной битвы готов с «королем Истрии», автор Хорватской хроники, сообщая о гибели от меча готов множества христиан, счел нужным специально упомянуть среди жертв поражения хорватов: «*i vele Hrvat bi pobijeno*» [31. S. 54]. Таким образом, автор Хорватской хроники считал хорватов не готами, а, напротив, автохтонными жителями Далмации и Истрии. Название «славяне» на страницах хроники вовсе не используется: не нуждаясь в приписывании хорватам пришлого происхождения, автор Хорватской хроники, очевидно, не испытывал потребности и в том, чтобы применять к хорватам этнические обозначения, характерные для этнического дискурса далматинских романцев, будь то «готы» или «славяне».

Важную роль в последующей эволюции образа «готско-славянского» королевства сыграло появление в 1510 г. латинского перевода одного из списков Хорватской хроники, обнаруженного в 1500 г. Дмине Папаличем в Краине (Макарское приморье) [28; 31]. Перевод на латынь старинного славянского текста, обнаружение которого вызвало большой интерес у далматинских интеллектуалов, был выполнен по просьбе Папалича знаменитым сплитским литератором Марко Маруличем. Хотя Марулич дал своему переводу название «Деяния королей Далмации и Хорватии», Далмация в тексте сплитского гуманиста оказывалась более широким понятием, чем Хорватия [23. S. 152], что представляется характерным для антикизирующих тенденций ренессансной эпохи. Стремясь сделать повествование Хорватской хроники более понятным для своих современников, Марулич счел возможным «уточнить» неко-

торые его детали, что привело к еще более тесной привязке «готско-славянского» королевства к Хорватии. Так, повествуя о короле Бладине, Марулич отметил, что он правил в Салоне (столице римской провинции Далмации) [31. S. 217], а передавая рассказ о соборе на поле Далмы, Марулич отождествил саму Далму с руинами античного Дельминия (Дувно) [31. S. 227], а поле, где происходил собор, – с расположенным в этой же части Далмации Хливаньским (Ливаньским) полем (близ города Ливно) [31. S. 225] (очевидно, исходя при этом из названия горы *Нивај*, на которой, согласно Хорватской хронике, король Будимир перед началом собора встретил прибывших из Рима кардинала и двух епископов [31. S. 75]). Хотя сам Марулич, судя по всему, не вкладывал в свой текст политического смысла, полагая, что знакомство с деяниями древних королей будет играть лишь роль морального назидания для читателей [23. S. 134], созданный им перевод оказался востребованным в рамках нарождавшейся в Венецианской Далмации и Дубровницкой республике протонациональной идеологии иллиризма, осмыслявшей славянскую языковую общность в рамках ренессансного протонационального дискурса. Так, далматинский гуманист Винко Прибоевич, живописуя в своей речи «О происхождении и славе славян», произнесенной им в 1525 г. в его родном городе Хвар, доблесть древних славянских правителей, в качестве примеров использовал сюжеты из Хорватской хроники в переводе Марулича, называя, например, Полислава, победоносно сражавшегося с воинством «гуннского» (венгерского) правителя Атиллы, «королем иллиров» (*rex Illyriorum*) [35. S. 72].

Важнейший шаг на пути превращения «готско-славянского» королевства в элемент иллирской и одновременно славянской протонациональной идеологии осуществил дубровницкий историк Мавро Орбини, воспризведя в своем труде «Королевство славян», изданном в 1601 г. в итальянском городе Пезаро [8; 33], воспроизвел полный текст Летописи попа Дуклянина в переводе на итальянский язык под названием «История королей Далмации и других окрестных иллирийских областей». В исторической концепции Орбини «готско-славянское» королевство было искусно интегрировано в рамки более широкого исторического нарратива: считая готов, появившихся в Далмации на заре Средневековья, новой волной славян, пришедших в Иллирик, Орбини рассматривал «готско-славянское» королевство как связующее звено между античной Иллирией, когда, в его представлении, унаследованном от Прибоевича, она уже являлась славянской, и позднейшими славянскими державами региона, в первую очередь, Сербским царством [17. S. 108, 178]. Таким образом, под пером дубровницкого автора образ «готско-славянского» королевства был использован для конструирования истории крупного «воображаемого сообщества» – грандиозной «нации славян», чье политическое единство, якобы существовавшее в прошлом, хорошо сочеталось с актуальными для XVII в. проектами освобождения южных славян от господства османов под эгидой европейских монархов [17. S. 184].

Происходившее в последующую эпоху усложнение протонационального дискурса, выразившееся в появлении собственно хорватской протонациональной идеологии, отличалось от ренессансного славизма не только названием, но и большей артикуляцией политических и сословных параметров «нации» [17. S. 272-277, 291-295], что неминуемо отразилось на том, как представлялось «готско-славянское» королевство. Такой, совершенно иной чем прежде, «стиль воображения» этого исторического образа обнаруживается в труде загребского каноника, барона Юрая Раттка «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652 г.) [37], где в рамках описания хорватской истории, явившегося яркой манифестацией политического сознания хорватской аристократии, подробно воспроизводилась история «готско-славянского» королевства. Опираясь на доступные ему источники, Ратткай первым в хорватской историографии попытался точно датировать правление отдельных готских королей, а также дал развернутую характеристику их деятельности, превратив полуполюгендарных персонажей Хорватской хроники в яркие фигуры национальной хорватской истории, обладавшие мощным символическим потенциалом. Один из наиболее впечатляющих образов, созданных Ратткаем, – король Будимир, «креститель Хорватии», который, согласно предложенной Ратткаем хронологии, правил с 641 по 681 год [37. S. 144-147]. Историческая роль Будимира в хорватской истории как короля-апостола уподоблялась Ратткаем роли первого венгерского короля Иштвана (св. Стефана), крестившего Венгрию [37. S. 148], что имело важное значение в контексте идеи политического равноправия Хорватского и Венгерского королевств в составе монархии Габсбургов [17. S. 284-285].

Протонациональную «кroatизацию» сюжета о «готско-славянском» королевстве продолжил в конце XVII в. хорватский историк Павел Риттер-Витезович, приступивший к трудоемкому синтезу различных историографических традиций для формирования целостной картины этнокультурных и этнополитических параметров Хорватии как государства и хорватов как народа [16; 17. S. 295-318].

Весьма показателен в этом смысле изданный в Загребе в 1696 г. труд Витезовича «Хроника или история веков всего света» [44], написанный на хорватском языке и, очевидно, специально предназначенный для ознакомления широкого читателя с историей. Положив в основу своего повествования о Средневековье славяноязычную «Хронику» Антуна Врамца (1578 г.), в фокусе внимания которой находилась так называемая «Словенская земля» на юго-западе Карпатской котловины (то есть, главным образом, области Славонии и Штирии, где в ту эпоху еще сохранялось древнее самоназвание жителей «словене»), Витезович последовательно дополнял ее сведениями из истории Далмации, в том числе известиями о деяниях «готско-славянских» королей [44. S. 118, 120, 140], а в специальном приложении разъяснил читателю, что «словенами» он именовал жителей не только Славонии, но и всех областей «Иллирии» [44. S. 468-471]. В более поздних сочинениях Витезовича, написанных на латинском языке («*Croatia rediviva*» (1700 г.) [43], «*Regia Illyriorum Croatia*» (1701 г.)), сюжеты из истории «готско-славянского» королевства (в первую очередь, «административная реформа» Будимира) уже напрямую используются автором для концептуализации политической индивидуальности Хорватского государства и описания его территориальной структуры [16. S. 147; 17. S. 315].

Таким образом, как показывает предпринятый нами обзор развития образа «готско-славянского» королевства от Средневековья к Новому времени, этот образ, некогда возникший в результате дискурсивной проекции на прошлое представлений образованного клирика из приморского города Бар о проживавшем в хинтерланде «готско-славянском» народе, не раз оказывался востребованным в меняющихся социально-политических контекстах, являя собой яркий образец «этнопоэзиса». Так, в восприятии хорватской элиты эпохи позднего Средневековья «готско-славянское» королевство было идеальным королевством хорватов. В рамках антикизирующих представлений далматинских гуманистов оно было важным этапом в истории воображаемой ими нации славян-иллиров. Для авторов последующих поколений, начавших формирование хорватской национальной идеологии, «готско-славянское» королевство мыслилось как древнее хорватское государство. Используя упомянутое определение Андерсона, можно сказать, что менялся именно стиль воображения «готско-славянского» королевства, при том, что само содержание его истории оставалось по большому счету неизменным. В этой связи было бы полезно, вслед за одним из современных исследователей, различать в постоянно меняющихся этнических образах эссенциалистский и эпохалистский аспекты (в терминологии К. Гирца), первый из которых выражался в воспроизведении уже существующей местной традиции, а второй – в адаптации данной традиции к современному, то есть актуальному для данной эпохи, этническому дискурсу [12. S. 76]. В то время как сами имена и деяния «готско-славянских» королей, воспроизводившиеся на протяжении столетий без существенных изменений, воплощали собой эссенциалистский аспект данного образа, его осмысление в категориях этнического дискурса неизменно являлось эпохалистским, то есть ориентированным на современность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С. В. Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий. СПб., 2015.
2. Алимов Д. Е. Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016.
3. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева под ред. С. П. Баньковской. М., 2016.
4. Банашевич Н. Летопис попа Дуклянина и народна предања. Београд, 1971.
5. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта; пер. И. Пильщикова. М., 2006.
6. Живковић Т. *Gesta Regum Sclavorum*. Т. II: Коментар. Београд, 2009.
7. Летопис Попа Дуклянина / Уредио Ф. Шишић. Београд; Загреб, 1928.
8. Орбини М. Славянское царство. Происхождение славян и распространение их господства / пер. Ю. Куприкова. М., 2010.
9. Радојковић Б. Држава краља Светопелека и његових потомака // Историјски записи. 1962. Год. XV. Књ. XIX. Св. 3–4.
10. Радојчић Н. О најтамнијем одељку Барског родослова. Цетиње, 1951.
11. Станојевић С. О првим главама Дукљанског летописа // Глас Српске краљевске академије. 1927. Књ. 126.
12. Федоров С. Е. Британская идентичность/ идентичности в раннее Новое время // Вестник СПбГУ. Сер. 2. 2013. Вып. 3.
13. Шишић Ф. Увод. О Летопису Попа Дуклянина // Летопис Попа Дуклянина / Уредио Ф. Шишић. Београд; Загреб, 1928.

14. *Ančić M.* Ljetopis kraljeva Hrvatske i Dalmacije (Vrijeme nastanka i autorstvo Hrvatske redakcije Ljetopisa popa Dukljanina) // *Zgodovinski časopis*. 1990. Letnik 44. Št. 4.
15. *Ančić M.* Dva teksta iz sredine 14. stoljeća. Prilog poznavanju «društvenog znanja» u Hrvatskom Kraljevstvu // *Starohrvatska prosvjeta*. Ser. III. 2013. Sv. 40.
16. *Blažević Z.* Vitezovićeve Hrvatska između stvarnosti i utopije: ideološka koncepcija u djelima postkarlovačkog ciklusa Pavla Rittera Vitezovića (1652.–1713.). Zagreb, 2002.
17. *Blažević Z.* Ilirizam prije ilirizma. Zagreb, 2008.
18. *Boba I.* Constantine-Cyril, Moravia, and Bulgaria in the Chronicle of the Priest of Dioclea (Comments on a controversial source) // *Palaeobulgarica*. 1985. Vol. IX. Nr. 1.
19. *Gesta Regum Sclavorum* / Ур. Т. Живковић. Т. I: Критичко издање приредила и текст превела Д. Кунчер. Београд, 2009.
20. *Havlík L. E.* Dukljanská kronika a Dalmatská legenda (Rozprawy Československé akademie věd. Řada společenských věd. Ročník 86. Sešit 2). Praha, 1976.
21. *Homza M.; et al.* Svatopluk v evropskom pisomnictve. Študie z dejin svatoplukovskej legendy. Bratislava, 2013.
22. *Jelić L.* Duvanjski sabor // *Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu*. 1909. Sv. 10. Br. 1.
23. *Jovanović N.* Marulićev prijevod Hrvatske kronike i ovo izdanje // *Marulić M.* Djela kraljeva Dalmacije i Hrvatske / Priredio i predgovor napisao N. Jovanović; preveo i bilješkama popratio V. Rezar // *Marulić M.* Latinska manja djela II. Split, 2011.
24. *Kukuljević Sakcinski I.* Tomislav, prvi kralj hrvatski // *Rad JAZU*. 1881. Knj. 58.
25. *Leśny J.* Wstęp // *Historia Królestwa Słowian czyli Latopis Popa Duklanina / Przetłumaczył, wstęp, komentarze i tablice genealogiczne opracował Jan Leśny*. Warszawa, 1988.
26. *Mandić D.* Pasprave i prilozii iz stare hrvatske povijesti. Rim, 1963.
27. *Margetić L.* Liber Methodius i pitanje vrela devete glave Ljetopisa Popa Dukljanina // *Croatia christiana periodica*. 2000. God. XXIV. Br. 46.
28. *Marulić M.* Djela kraljeva Dalmacije i Hrvatske / Priredio i predgovor napisao N. Jovanović; preveo i bilješkama popratio V. Rezar // *Marulić M.* Latinska manja djela II. Split, 2011.
29. *Mošin V.* Uvod // *Ljetopis Popa Dukljanina*. Latinski tekst sa hrvatskim prijevodom i «Hrvatska kronika» / Priredio, napisao uvod i komentar V. Mošin; hrvatski prijevod latinske redakcije: S. Mencinger i V. Štefanić. Zagreb, 1950.
30. *Mužić I.* Hrvatska kronika od 547. do 1089. // *Hrvatska kronika: 547.–1089* / Priredio I. Mužić. Split, 2001.
31. *Mužić I.* Hrvatska kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. Split, 2011.
32. *Mužić I.* Hrvatski vladari od sredine VI. do kraja IX. stoljeća. 2. dopunjeno izd. Split, 2013.
33. *Orbini M.* Kraljevstvo Slavena / Prevela S. Husić; priredio i uvodnu studiju napisao F. Šanjek. Zagreb, 1999.
34. *Peričić E.* Sclavorum Regnum Grgura Barskog: Ljetopis Popa Dukljanina. Zagreb, 1991.
35. *Pribojević V.* O podrijetlu i slavi Slavena / Preveli V. Gortan, P. Knezović. Zagreb, 1997.
36. *Radoman A.* Gesta Regum Sclavorum nova historiografska mistifikacija // *Matica (Cetinje)*. 2013. God. 14. Br. 53.
37. *Rattkay J.* Spomen na kraljeve i banove Kraljevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / Preveli Z. Blažević, V. Rezar, B. Nikšić, T. Shek Brnardić, I. Miličić. Zagreb, 2016.
38. *Rus J.* Kralji dinastije Svevladićev, najstarejši skupni vladarji Hrvatov in Srbov 454–614. Ljubljana, 1931.
39. *Sønnesyn S.* The rise of the Normans as ethnopoiesis // *Norman tradition and transcultural heritage. Exchange of cultures in the 'Norman' peripheries of medieval Europe* / Ed. by S. Burkhardt and T. Foerster. Farnham: Ashgate, 2013.
40. *Steindorff L.* Die Synode auf der Planities Dalmae. Reichseinteilung und Kirchenorganisation im Bilde der Chronik des Priesters von Dioclea // *Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung*. 1985. Bd. 93.
41. *Šegvić K.* Hrvat, Got i Slav u djelu Tome Splićanina // *Hrvati i Goti* / Priredio R. Tafra. Split, 1996.
42. *Švob D.* Pripis supetarskog kartulara o izboru starohrvatskog kralja i popis onodobnih banova // *Historijski zbornik*. 1956. God. IX. Br. 1–4.
43. *Vitezović Ritter P.* Oživljena Hrvatska / Prevela i priredila Z. Blažević. Zagreb, 1997.
44. *Vitezović Ritter P.* Kronika aliti Spomen vsega svieta vikov: 1696 / Priredio A. Jembrih. Zagreb, 2015.

Поступила в редакцию 30.05.17

D.E. Alimov

«GOTHIC-SLAVIC KINGDOM»: EARLY MEDIEVAL ILLYRICUM IN THE DISCURSIVE SPACE OF ETHNOPOIESIS

The article deals with the genesis and evolution of the medieval and early modern historiography notion of the so-called “Gothic-Slavic kingdom”, a vast and powerful polity, that supposedly existed in the early Middle Ages in the territory of Illyricum. While treating the image of “Gothic-Slavic kingdom” as a product of ethnic discourse, that is the method of structuring social, political, and cultural reality in terms of ethnicity, the author focuses on a way in which, at different times and in different social-political contexts, there changed the notion of the “Gothic-Slavic” kingdom’s ethnic affiliation and its connection with various “imagined communities”. Those changes are considered by the author as

manifestations of ethnopoiesis, that is a process, in which, in accordance with the changeable ethnic discourse, medieval and early modern authors in different ways interpreted social and cultural reality of the past by means of defining it in contemporary ethnic categories.

Keywords: Chronicle of the Priest of Dioclea, *Libellus Gothorum*, ethnic discourse, ethnopoiesis.

Алимов Денис Евгеньевич
кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: d.alimov@spbu.ru

Alimov D.E.,
Candidate of History, Associate Professor
Saint Petersburg State University
Universitetskaya nab., 7/9, 199034,
St. Petersburg, Russia
E-mail: d.alimov@spbu.ru